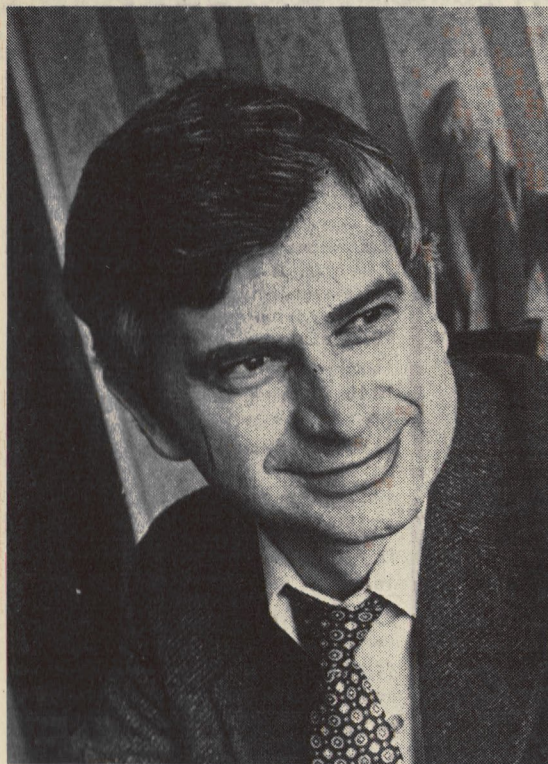

• Гости столицы

ТЕПЛО И РАДУШИЕ БРАТСКОЙ ЗЕМЛИ

Вчера в Казахском государственном ордене Ленина академическом театре оперы и балета имени Абая состоялось открытие гастролей народного артиста СССР, лауреата Ленинской премии Анатолия Соловьяненко. Алмаатинцы и гости столицы услышали и увидели известного оперного певца в партии герцога Мантуанского в опере «Риголетто» Дж. Верди. С сегодняшнего дня по 6 февраля Анатолий Соловьяненко выступит в помещении оперного театра с произведениями камерного жанра — романсами, ариями из опер, русскими, украинскими, неаполитанскими песнями.

ВСТРЕТИВШИСЬ с Анатолием Соловьяненко после спектакля, мы задали ему несколько вопросов.

— Прежде всего, разрешите, Анатолий Борисович, от имени читателей «Вечерней Алма-Аты» поздравить Вас с блестящим началом гастролей — иначе не назовешь Вашу работу в спектакле «Риголетто».

— Вечер был и впрямь памятным: по прошествии семнадцати лет (в Алма-Ате я был в 1966 году) — вновь встреча с казахстанскими зрителями. Первый мой приезд в ваш замечательный город был связан с проведением Дней украинской литературы и искусства в Казахской ССР. Отчетливо помню то время, атмосферу праздничного веселья, ца-

рившего вокруг: орденосная республика рапортовала Родине о сдаче миллиарда пудов хлеба. Щедрая, гостеприимная земля Казахстана, как и прежде, приняла меня тепло и радушно, что подтвердила нынешняя встреча с любителями оперного искусства.

— Благодаря возможностям телевидения мы часто видим Вас, Анатолий Борисович, но ничто, как вы понимаете, не заменит живые контакты, непосредственное восприятие Вашей индивидуальности. Так и хочется, слушая Вас, актера с редкими природными данными, задать, быть может, несколько неожиданный вопрос: кем бы вы были, если бы не стали певцом?

— Относительно природных данных, думаю, вы заблуждаетесь: они ничто без тренажа, систематической работы над собой. Это подтверждает и моя биография (кстати, ею отвечу на ваш вопрос). Я — инженер-конструктор горных машин. Наверное, этим бы и занимался всю свою жизнь, если бы в нее не вошли музыка, неуемная тяга к пению. Окончил с отличием Донецкий политехнический институт, имел предложение продолжить учебу в Московской аспирантуре, но сделал са-

моотвод. «Хочу петь», — сказал я уважаемым членам распределительной комиссии... Удивление, недоумение и — резонный вопрос: «Что же ты нам голову морочил пять лет?». И действительно — зачем? Ведь мой путь, казалось, был полностью расписан...

— Но для такого заявления, наверное, были основания!

— В то время — почти никаких. Остался в институте простым педагогом (кафедра начертательной геометрии и графики), но зато стал брать уроки пения у заслуженного артиста РСФСР, солиста Донецкого оперного театра Александра Николаевича Коробейченко, который, как видно, что-то нашел во мне. Участвовал в институтских концертах, много пел и даже поехал однажды с самодеятельными артистами Донецкой области в Киев. Здесь меня прослушали, послали на пробу в Киевский театр оперы и балета. Так я стал стажером. Затем был объявлен конкурс молодых певцов для поездки в Италию — оказался в числе победителей. Направили на стажировку в миланский театр «Ла Скала».

На сомнения, колебания, переориентировку, овладение профессиональными вокальными

навыками ушли годы. Киевскую государственную консерваторию окончил гораздо позже своих сверстников.

— Из сообщений прессы знаем о Ваших гастролях в Чехословакии, Болгарии, ГДР, Бельгии, Монголии, Италии, Канаде, Японии, Австралии, на Кубе. Какой была последняя поездка?

— Недавно Киевский театр оперы и балета имени Шевченко выезжал на гастроли в ФРГ.

В Висбадене на итальянском языке показывали оперы «Лючия ди Ламмермур», «Тарас Бульба», «Хованщина», «Катерина Измайлова». Из прошлых запомнились гастроли в Нью-Йорке: я пел тогда на прославленной престижной сцене «Метрополитен-опера» амстимостью зала четыре тысячи человек. Но какими бы интересными ни были поездки за рубеж, для меня самыми благодатными и благородными слушателями остаются советские люди.

— Среди которых, вероятно, Анатолий Борисович, есть особо любимая Вами категория!

— Вы ошибаетесь, я никогда не делю слушателей на группы в зависимости от степени их подготовленности к восприятию серьезной музыки. Лишь от нас, исполнителей, зависит соз-

дание творческого микроклимата в зале, того душевного настроя, который способствует успеху оперы, отдельных артистов, труппы в целом; как и воспитанию музыкально-эстетического вкуса зрителя. Как хорошо вступать в тонкий диалог с залом и видеть при этом лица, глаза людей, чувствовать дыхание слушателей, ощущать живое их участие в происходящем! Увы, телевидение и радио лишают роскоши подобного общения.

— Тем более Вам это хорошо знакомо, что приходится постоянно выступать перед зрителями: ведь не меньше оперного, вы увлечены камерным искусством. Как, кстати говоря, Анатолий Борисович, Вам удается сочетать то и другое, какой камерной музыке вы отдаете предпочтение?

— Оперное и камерное искусство дополняют друг друга, хотя основой их всегда остается одно — вокальное творчество. Конечно, легче заниматься или тем, или другим, но постижение масштабной, монументальной значимости оперных полотен и тонкой, богатой красками, обилием нюансов камерной музыки несказанно обогащает певца.

В концертные программы включаю оперные арии, романсы, камерную классику. Но более всего люблю и ценю народную песню. С нею прошло мое детство, с нею начал свой творческий путь. Работаю над народной песней трудно, серьезно. Устаю от ее исполнения больше, чем, скажем, от романсов, оперных арий. Почему? Да потому что народная песня — особый жанр. Она строится на куплетной форме, а куплетная форма без ее разнообразия и развития скучна в восприятии. Поэтому работать над смысловыми интонациями песни, ее образом, музыкальной темой приходится много и кропотливо.

— Какую Вы любите поэзию?

— Зачитываюсь Пушкиным, Лермонтовым, Алексеем Толстым, Некрасовым, Шевченко. Их творчество настолько значимо, что открывать его для себя, слушателей можно бесконечно.

— Судя по сказанному, более всего в творческом процессе вы цените требовательное к себе отношение...

— И самопожертвование певца, который всегда должен думать о главном — повышении профессионального мастерства, а не о жизненных преимуществах и материальных благах.

Мысли о достатке зредят нашему делу. Конечно, я не бессребrenник и не призываю к хитине, но искусство — выше, значительнее всего прочего. Затраты на него давно не восполняются стоимостью билетов. Только в нашей стране оно доступно всем, хотя затраты государства на зрелищное искусство, как правило, во многом превосходят сборы от него. Просто так сейчас уже нельзя «сколотить» спектакль, зритель требует лучшие сценические образцы, лучшие актерские работы. И чем дальше, тем больше будет спрос с оперного певца, который должен не только хорошо петь, но и хорошо играть, уметь входить в образ.

— Анатолий Борисович, как вы относитесь к эстраде?

— Несерьезно. В эстраде надо петь, а не напевать, на то и существует понятие: пение — звук на дыхании, звук, который плывет по залу. И заметьте — без микрофона. Петь и напевать, как играть и наигрывать — занятия разные. Увы, сейчас, на мой взгляд, можно говорить лишь о промышленном производстве песен.

— Хотелось бы знать об организации Вашего рабочего дня.

— Каждое утро начинаю с того, что ишу свой голос. Затем — репетиции в театре, работа с пианистом. Вечером — спектакль или концерт.

Заканчивая нашу беседу, хочу пожелать алмаатинцам всяческих благ.

В. МАРЧЕНКО.

НА СНИМКЕ: народный артист СССР, лауреат Ленинской премии Анатолий Соловьяненко. Фото М. Машиновского.